

О ПОДХОДАХ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ИРАНЕ*

Е. А. Иванов

В статье рассматриваются подходы к прогнозированию процессов дестабилизации в Исламской Республике Иран. Первый подход, названный «четыре шага», заключается в последовательном анализе четырех универсальных параметров, описывающих протестную активность. Вторым подходом базируется на методике, использованной при анализе событий Арабской весны и при оценке протестного потенциала в Центрально-Азиатском регионе после 2011 г. На основании результатов анализа с использованием обоих подходов можно говорить об увеличении протестного потенциала в Иране, что чревато ростом числа уличных акций в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В то же время не критический масштаб конфликтности и наличие сильных сдерживающих факторов не позволяют делать предположения касательно таких радикальных проявлений протестной активности, как революция или гражданская война. Действующий режим в Иране адаптирован к перманентно умеренному протестному фону, что способствует его сохранению в нынешнем состоянии.

Значимость Ирана на Ближнем Востоке высока. Иран – крупнейшее по размерам территории государство на Ближнем Востоке. По численности населения делит второе-третье место с Турцией, уступая лишь Египту. Основу экономики страны составляют добыча, переработка и экспорт углеводородов (нефть, природный газ). С точки зрения размера ВВП Иран – третья экономика в регионе после Турции и Саудовской Аравии, однако в пересчете на душу

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

населения он ощутимо отстает от нефтяных держав Персидского залива, Турции и Израиля. Исламская республика – достаточно милитаризованное государство, предпринимающее попытки развивать свой ядерный потенциал. Все это позволяет Ирану вести активную внешнюю политику в Ближневосточном регионе, что вызывает опасения у конкурентов за региональное первенство, прежде всего Саудовской Аравии и Турции, а также у Израиля и его главного партнера – США.

Таким образом, внутривосточные процессы в Иране во многом задают тон на всем Ближнем Востоке, стабильность которого крайне неустойчива и регулярно подвергается как внутренним вызовам, так и давлению извне. В этой связи представляется важным проводить регулярный мониторинг ситуации в Иране (и в регионе в целом) и развивать инструменты прогнозирования, что несколько сложнее вследствие относительно высокой закрытости Ирана, а также непростой конфигурации государства и общества. Ввиду своей специфики (великая история, наследие персидской культуры, ислам шиитского толка и др.) Иран, хотя и является неотъемлемой частью Ближнего Востока, следует траекториям, отличным от тех, что характерны для арабских государств региона. К примеру, несмотря на то, что Арабская весна имела отклик в Иране в виде волны протестов в 2011 г. (активная фаза которой пришлась на февраль – март), поводом для этих акций недовольства послужили результаты выборов 2009 г. и последующие протесты, названные «Зеленым движением». События в арабском мире возродили затухшую протестную повестку в Иране, но не сформировали ее.

Исходя из этого, для оперативного анализа ситуации внутри страны и прогнозирования процессов дестабилизации предлагаются два базовых подхода, которые позволяют проводить соответствующую работу. Первый заключается в анализе четырех базовых параметров, опираясь на которые можно сделать предположения о вероятном нарастании протестной активности. Второй основан на модели, разработанной на основании эмпирических данных стран арабского мира в период Арабской весны и государств Центральной Азии за аналогичный временной отрезок. Данная модель позволяет оценивать потенциал дестабилизации и сравнивать соответствующие показатели с имеющимися оценками, рассчитанными для других стран.

Подход «четырёх шагов»

Из двух вышеназванных подходов для оперативного анализа ситуации более удобен подход «четырёх шагов». Каждый «шаг» – это ответ на один из общеупотребительных вопросов, существующих в естественных языках: «Кто?», «Где?», «Когда?» и «Почему?». При этом ключевыми для понимания ситуации являются первый и последний вопросы, тогда как другие два вопроса скорее вспомогательные.

Вопрос «Кто?» подразумевает выявление социальной базы протеста. На практике таковой выступают различные социальные группы. Протест может вовлекать от одной до множества таких групп, поэтому бывает сложно выделить ядро движущих сил протеста. Однако эмпирические свидетельства показывают, что движущей силой протестов чаще всего становятся студенты, этнические меньшинства и прочие социальные группы, уязвимые для дискриминации со стороны государства и/или остальной части общества. Отвечая на вопрос «Кто?», необходимо изучить основные социальные расколы в стране. Для Ирана таковых можно выделить несколько: этнический, социально-экономический и раскол по оси «консервативный ислам – реформистский ислам – светская модернизация».

Что касается этнической составляющей, то, с одной стороны, в Иране существует государствообразующий персидский этнос (50–60 % населения), который вместе с другими народами иранской ветви (курды, луры, бахтиары, белуджи, тальши, гилянцы и мазендеранцы), по разным оценкам, объединяет до 70–80 % населения. Самым значительным меньшинством в Иране являются азербайджанцы (16 % населения), а в целом доля тюркских народов оценивается от 18 % до 24 % (включая туркмен и кашкайцев). Арабское меньшинство в стране не превышает 2–3 % от общей численности населения. Прочие этнические группы (армяне, ассирийцы, грузины, евреи и др.) являются малочисленными и в существенной мере повлиять на внутривнутриполитическую обстановку не могут.

Основные риски связываются с арабами, азербайджанцами, курдами и белуджами.

Арабов в Иране незначительное меньшинство. Основная их часть концентрируется в граничащей с Ираком провинции Хузе-

стан, что послужило одним из поводов для вторжения Ирака в Исламскую Республику Иран в 1980 г., вылившегося в восьмилетнюю войну между государствами. Тем не менее арабы проживают на территории современного Ирана на протяжении нескольких веков, а националистические настроения среди этого меньшинства не столь значительны, чтобы говорить о возможном сепаратизме.

В отличие от арабов азербайджанцы, проживающие на территории Ирана, активно выступают за сохранение своего языка и культуры. Так, в 2003, 2006, 2007 и 2015 гг. в азербайджанских провинциях происходила череда протестов. В 2007 г. многотысячная демонстрация состоялась в День родного языка, а в 2015 г. оскорбительная для азербайджанцев телепередача вылилась в жесткое противостояние с властями. Поэтому риски, связанные с антиправительственными настроениями в азербайджанской среде, довольно высоки.

В настоящее время курдский вопрос в Иране стоит чуть менее остро, чем в Ираке, Турции или Сирии. Тем не менее в 1946 г. при поддержке советской армии на территории Ирана существовала самопровозглашенная Мехабадская республика. Ситуация осложняется тем, что иранские курды исповедуют преимущественно ислам суннитского толка, тогда как персы – последовательные сторонники шиитского направления. На этой почве несколько раз – в 1996 г. в Керманшахе, в 1999 г. в Западном Азербайджане, в 2005 г. в Западном Азербайджане и Курдистане – происходили столкновения курдов с правительственными силами.

Переходя к расколу «ислам – светское государство», расслоению по социально-экономическим показателям и конфликту поколений, можно отметить, что зачастую они происходят одновременно. Горожане и молодежь, сталкивающиеся с безработицей, коррупцией и имущественным неравенством, выступают за реформы в стране и более активную модернизацию экономики со стороны руководства государства.

Экономическая ситуация в стране неоднозначная. Падение темпов роста ВВП на 1,3 % в 2015 г. сменилось ростом 13,4 % в 2016 г. В Иране нет нищеты. Доля населения, живущего на сумму менее 2 долларов в день, не превышает 0,3 %. ВВП на душу населения демонстрирует постепенный рост с 4257,11 доллара в 1994 г. до 6733,913 доллара в 2016 г. По оценкам Всемирного банка, за

аналогичный период индекс Джини незначительно сократился – с 43 до 38,8 (106-е место в мире), что говорит о довольно сильном, но не критическом экономическом расслоении. Тем не менее официальный уровень безработицы колеблется в коридоре между 10 и 12 %. Высоки темпы инфляции, прежде всего продовольственной, что сильнее всего ощущается в люмпенизирующейся городской среде, прирастающей на 2 млн человек ежегодно. Поэтому помимо этнических меньшинств к потенциальной социальной базе протеста можно причислить всех работающих городских жителей. В мировой науке уже давно отмечена связь между урбанизацией и уровнем протестной активности (Weiner 1967; Auvinen 1997; Bayat 2002).

Корни обеих проблем, как и ответ на второй ключевой вопрос («Почему?»), лежат в модернизационном проекте, начатом во второй половине 1960-х гг. Как показано на Рис. 1, Иран на протяжении нескольких десятилетий отставал в производстве продуктов питания не только от общемировых темпов, но и в сравнении со странами арабского мира. Отставание удалось несколько сократить благодаря преобразованиям, начатым последним шахом Р. Пехлеви в 1963 г. и получившим название «Белая революция». Большая программа реформ состояла из 19 пунктов, первым из которых была земельная реформа, предполагавшая уход от феодальной системы отношений в аграрном секторе. В рамках данной программы шахское правительство выкупило наделы, принадлежавшие крупным потомственным землевладельцам, по установленным государством ценам, после чего участки распродавались крестьянам на 30 % ниже рыночной стоимости с возможностью двадцатипятилетнего займа под низкий процент для выплаты госкредита. По разным оценкам, возможностью получить землю в собственность воспользовалось от 1,5 до 2 млн крестьянских домохозяйств. Таким образом, аграрная реформа охватила до 40 % жителей страны.

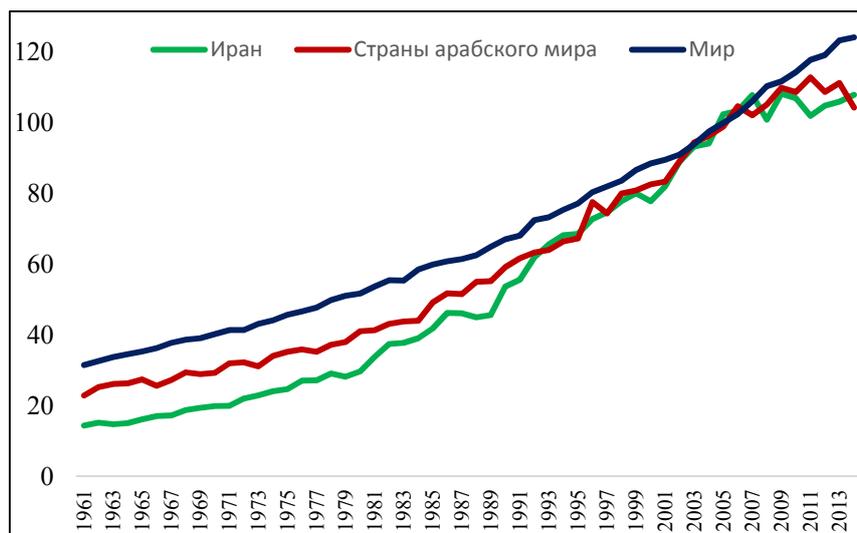

Рис. 1. Индекс производства продуктов питания (2004–2006 гг. = 100) в Иране, арабских странах и мире в целом (% от базового значения)

Хотя значительная часть земельных наделов перешла в руки крестьянских домохозяйств, у них не хватало средств на закупку удобрений, обновление рабочего инвентаря и т. д. Улучшения в аграрном секторе происходили вплоть до Исламской революции 1979 г., однако ощутимый позитивный сдвиг в продовольственной сфере начался спустя 30 лет после начала реализации 19 пунктов Р. Пехлеви. Следовательно, хотя реформы шаха имели среднесрочный положительный эффект, они не дали качественно новой модели хозяйствования в аграрной сфере, поскольку на смену наследственным землевладельцам пришла новая волна крупных фермеров-собственников, оттеснившая широкие слои крестьянства и небольшие фермерские хозяйства от выгод реформы в земельной сфере.

Рабочие, не получившие собственных наделов, стали массово покидать сельскую местность и двинулись в города. Спустя 15 лет после начала реформы уровень урбанизированности Ирана вырос почти вдвое, превысив показатель в 50 %. Переток населения из сельской местности в города стимулировался также ростом воз-

возможностей, возникавших в период бурной модернизации. Вместе с тем новоприбывшие горожане ощущали неравенство в развитии между селом и городом, между развитыми центрами и провинциальными районами, периферией, между нуворишами и рядовыми гражданами. Так, в городской среде росла социальная напряженность, а горожане становились потенциальной движущей силой протеста.

Начиная с середины 1990-х гг. Ирану удалось сравняться со странами арабского мира по уровню собственного производства продуктов питания, а к середине 2000-х гг. Иран по этому показателю приблизился и даже на короткий отрезок времени превзошел общемировые темпы, что лишь разогнало потребительские ожидания среди иранцев. Значительный спад производства потребительских товаров совпал с протестами 2009 г., указывая на то, что фальсификации на выборах были только спусковым крючком в ситуации социально-экономического спада, усугубившегося в период мирового финансового кризиса, когда спрос и цены на нефть заметно упали. Хотя в последние несколько лет собственное производство продуктов питания в Иране демонстрирует положительную тенденцию к росту, данный показатель находится ниже уровня производства в странах арабского мира на момент начала Арабской весны.

Рис. 2. Динамика инфляции потребительских цен в Иране, арабских странах и мире в целом (% в год)

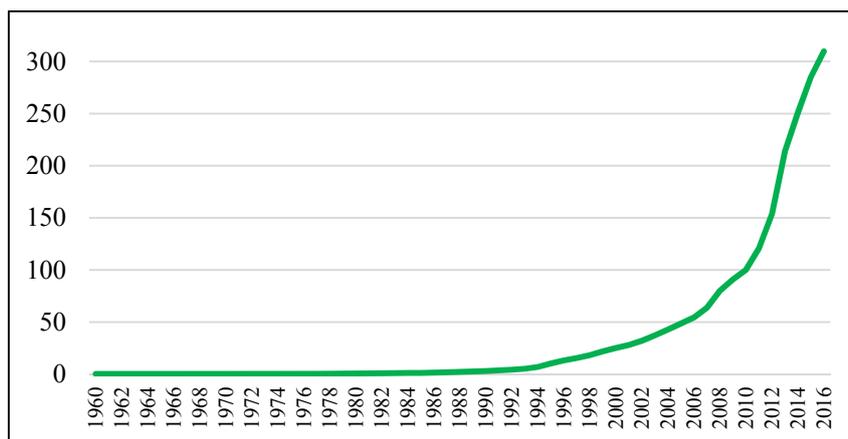

Рис. 3. Динамика индекса потребительских цен (2010 г. = 100) в Иране (% от базового значения)

Заключительным шагом в данной модели являются вопросы «Где?» и «Когда?», которые служат индикаторами условий, при совпадении которых вероятность протестов становится высокой. В частности, протесты 2017–2018 гг. в Иране совпали со студенческими каникулами, а с началом экзаменов значительная часть студентов покинула ряды протестующих. В 2009 г. началом для протестов послужили результаты выборов, что подпадает под общее наблюдение о том, что пики протестной активности зачастую совпадают со стыками в электоральных циклах.

Вопрос «Где?» подразумевает локацию протестной активности. В большинстве случаев таковым является городское пространство. Отдельным фактором риска, повышающим вероятность масштабного протеста, служит наличие в городской сети сверхкрупного, выходящего из общего ряда элемента, называемого исследователями «король-дракон». Во время Арабской весны и антиправительственных демонстраций в Венесуэле такие «короли-драконы» становились площадками для многотысячных демонстраций, аккумулируя городской протестный потенциал на ограниченном пространстве (площадь Тахрир в Каире или Майдан в Украине) (Коротаяев, Исаев, Шишкина 2016; Коротаяев и др. 2017: 254–255).

Для Ирана «королем-драконом» служит Тегеран, который часто аккумулирует протестную активность. Тегеран расположен на

севере страны в регионе, традиционно входящем в персидское ядро Ирана. На Рис. 4 показано распределение населения среди 22 крупнейших городов страны (численность жителей не менее 400 тыс. человек).

На момент переписи населения в 2011 г. в Иране было 18 городов с населением свыше 400 тыс. жителей. В ближайшие годы количество крупных агломераций может вырасти до 20–25. Все они являются центрами своих провинций, что хорошо демонстрирует характер урбанизации в Иране в последние десятилетия, когда сельское население активно переезжало в города. Самым крупным из городов является 8-миллионный Тегеран, намного опережающий все прочие агломерации. В Тегеране проживает 11 % населения всей страны и 15,4 % городских жителей, что сопоставимо с египетским Каиром, ангольской Луандой и конголезской Киншасой.

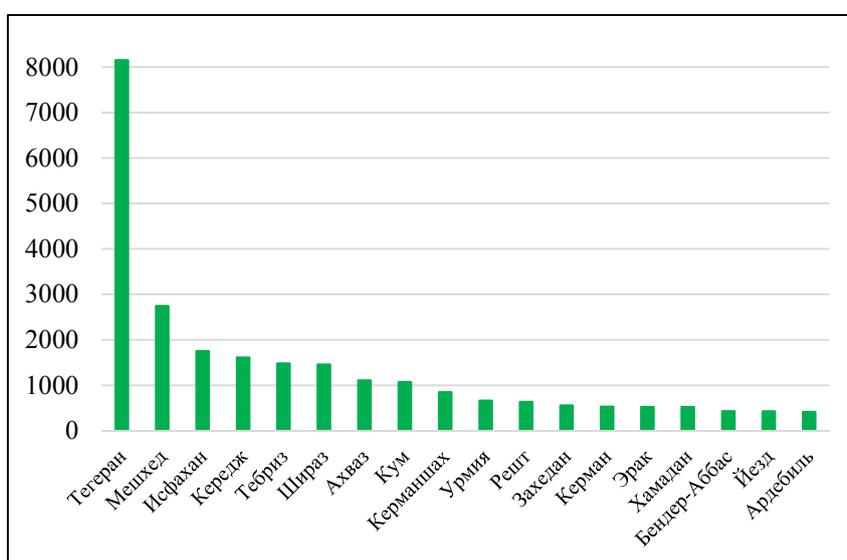

Рис. 4. Население крупнейших городов Ирана (в тыс. чел.)

Моделирование и оценка потенциала дестабилизации

В основу этого подхода легли наработки к моделированию и оценке потенциала социально-политической дестабилизации, сделанные С. В. Цирелем (см.: 2012а; 2012б). В дальнейшем данная методика была доработана и адаптирована для анализа событий Арабской весны и ее эффекта в Центрально-Азиатском регионе (Малков и др. 2013; Иванов, Исаев 2018).

Данная методика предполагает построение модели, основанной на пяти основных компонентах: 1) степень фрагментации общества и элит; 2) доля маргинальных групп в населении (безработная молодежь); 3) тип политического устройства; 4) наличие/отсутствие крупномасштабных конфликтов в недавнем прошлом; 5) степень вмешательства международных акторов во внутренние дела стран региона. В ходе построения модели каждый из факторов оценивается по 5-балльной шкале. Для первого и пятого факторов используются экспертные оценки, произведенные авторами статей и/или взятые из соответствующих источников. Для прочих использовались данные национальных статистических агентств и Всемирного банка.

Краткий обзор показателей фрагментации (этнические, конфессиональные и внутриэлитные расколы), наличия маргинализованных социальных групп, политического устройства был дан ранее при описании подхода «четыре шага».

Что касается фактора международной конъюнктуры, то, несмотря на то, что Иран – независимое и суверенное государство, фактор внешнего воздействия на него велик. Несмотря на напряженные отношения с соседями по региону и США, интервенции со стороны международных акторов и вооруженные операции на территории страны, как это не раз было в XX в. (СССР, Великобритания, Ирак), маловероятны. Тем не менее давление на Иран со стороны других стран способно спровоцировать дестабилизацию внутри государства. Среди прочих инструментов внешнего воздействия можно выделить следующие.

Во-первых, это череда международных экономических санкций (начиная с 1979 г.), которые направлены на принуждение Ирана к отказу от своей жесткой внешней политики. Большинство ис-

следователей сходятся во мнении, что экономический эффект от санкций неоднозначный. С одной стороны, санкции ограничивают ключевые отрасли иранской экономики – добычу, переработку и экспорт энергоносителей, с другой – они создают стимулы для развития несырьевых отраслей и ухода от ресурсного проклятия. (Salitskii *et al.* 2017; Dizaji, van Bergeijk 2013; Moret 2015). Наибольший ущерб санкции наносят гуманитарной сфере, вызывая рост социального недовольства. За несколько десятилетий жизни под санкциями в Иране сформировалась группа людей, требующая пойти на сближение с внешним миром и критикующая правительство за жесткий внешний курс.

Во-вторых, международная изоляция Ирана может усилиться, учитывая текущую позицию президентской администрации США. После некоторого сближения, достигнутого в период президентства Б. Обамы в Америке и М. Ахмадинежада в Иране, признанного действующим главой Белого дома Д. Трампом ошибочным, США снова возвращаются к политике санкций и давления. В то же время в 2016 г. Саудовская Аравия разрывает дипломатические связи с Ираном после атаки на свое посольство в Тегеране. Ситуация обостряется еще и тем, что Иран и Саудовская Аравия активно участвуют в вооруженных конфликтах в Сирии и Йемене, выступая в поддержку противоборствующих сторон. Кроме того, страны борются за доминирование на Ближнем Востоке и в энергетической сфере, а также имеют серьезные противоречия на религиозной основе. Из крупных союзников Иран мог бы рассчитывать отчасти на Россию и Китай. Однако первая испытывает экономические сложности и имеет пересекающиеся интересы в Каспийском регионе, на Ближнем Востоке и в энергетической сфере. Китаю Иран интересен как крупный рынок сбыта своей продукции и как поставщик энергоресурсов. Хотя в последнее время руководство Компартии Китая обозначило вектор на развитие альтернативной энергетики, поэтому в долгосрочной перспективе у Китая не будет существенной необходимости поддерживать Иран.

Таким образом, фактор внешнего воздействия на Иран оценивается как высокий, но не катастрофический. Получив все экспертные оценки и переведя статистические показатели в баллы, получаем следующий результат (см. Табл. 1).

Табл. 1. Оценка факторов дестабилизации для Ирана на 2017 г.

Фактор	Фрагментация общества и элит	Маргинальные группы	Политическое устройство	Конфликты в прошлом	Внешнее воздействие
Значение показателя	4	5	3	4	3

Затем эти данные вводятся в модель, протестированную на данных арабских стран и государств Центральной Азии. Однако при использовании данной модели для анализа ситуации в Иране следует оговориться, что по политическому устройству и социально-экономическим характеристикам Иран схож со странами арабского мира и государствами Центральной Азии. При использовании рамок вышеназванной модели были произведены оценки потенциала социально-политической дестабилизации в Иране, результаты которой приведены в Табл. 2.

Табл. 2. Оценка потенциала дестабилизации в странах Центральной Азии и Иране

Страна	2011 г.	2017 г.
Казахстан	2,5	4
Узбекистан	3,7	5
Киргизия	2,1	3,6
Таджикистан	3,6	4,7
Туркмения	2,5	3,5
Иран	8,1	8,4

Как показано в таблице, протестный потенциал в Иране в целом выше, чем в государствах Центральной Азии. В стране регулярно проходят небольшие демонстрации и забастовки, вызванные экономическими проблемами. Тем не менее даже в сравнении с 2011 г., когда в стране практически целый год не прекращались протестные акции, оценки на 2017 г. указывают на увеличение рисков дестабилизации. Изначально более высокий уровень протестного потенциала в Иране связан с повышенным фоном протестной активности в целом, а также с наличием глубинных структурных предпосылок для социального взрыва – отсутствием возможностей для режима реализовывать новые модернизационные проекты без ущерба

идеологической составляющей, ресурсной зависимостью экономики, интенсивной урбанизацией, ростом социального неравенства, демографическим перевесом в пользу молодежи и людей среднего возраста, сохраняющейся долгие годы высокой инфляцией. Тогда как для Центральной Азии основные риски были связаны с труднопредсказуемыми факторами: внезапной смертью главы государства и экономической стагнацией в России, случившейся после казуса с Крымом, что повлекло падение курса рубля, снижение уровня денежных переводов от работающих в России членов семей, а также возвращение части нетрудоустроенной пассионарной молодежи на родину.

Если сравнивать иранские показатели с теми, что наблюдались в арабских странах во время Арабской весны, то Исламскую Республику Иран можно сравнить с Кувейтом и Суданом (7,1 и 8,2), что указывает на скорое подавление протестной активности и незначительность ее результатов для населения.

Анализ протестной волны конца 2017 г.

Социальный кризис конца 2017 г. вызван задержками выплаты заработной платы, нерешенностью вопроса с выплатами по депозитам граждан, хранившимся в нелегализованных финансово-кредитных учреждениях, ростом безработицы и, самое важное, резким увеличением инфляции цен на продовольствие. Первые акции протеста прошли на северо-востоке страны в Мешхеде, втором по величине городе Ирана, который является родным для Великого аятоллы Али Хосейни Хаменеи и экс-генпрокурора, кандидата в президенты Ибрагима Раиси. Оба известны своей консервативной проклерикальной позицией. Начались они, как ни парадоксально, с протестов сторонников консервативного исламского крыла, недовольных реформистскими настроениями действующего президента Х. Рухани, избранного на второй срок. Затем волна недовольства пришла в провинциальные городки Нейшабур и Биржанд, а далее распространилась по всей стране.

Протесты затронули большинство регионов страны, имеющих различную социально-экономическую специфику. В первую очередь антиправительственные демонстрации прошли в провинциях, которые относятся к урбанизированным, густонаселенным и экономически развитым. К примеру, провинция Хорасан-Резави, отку-

да началась протестная волна, представляет собой второй по численности населения регион Ирана с крупнейшим городом Мешхед и четвертый по доле в национальном ВВП. На второй день после начала кризиса протесты состоялись в таких крупных и богатых провинциях, как Исфахан и Хузестан (см. Рис. 5). В первые три дня роста протестной активности не наблюдалось лишь в регионах этнической периферии – Ардебиле, населенном преимущественно азербайджанцами, в курдских Иламе и Курдистане, в остане Чехармехаль и Бахтиярия, где проживают бахтиярское и кашкайское меньшинства, а также в малонаселенных провинциях Юго-Востока (Керман, Йезд и Южный Хорасан). Это подтверждает предположения о том, что социально-экономический протест произошел не по причине собственно проблем в экономике, а из-за неоправданных ожиданий персидского большинства касательно своего правительства, которое на фоне общего социально-экономического спада, вызванного санкциями и снижением цен на энергоносители, перераспределяет бюджетные ресурсы в пользу военно-полицейского аппарата и участвует в затратных операциях в Сирии и Йемене.

Кроме того, в отличие от протестной волны 2009 г. и предшествующих протестных периодов в истории Ирана, антиправительственные акции 2017 г. затронули преимущественно периферийные районы, незначительно коснувшись Тегерана. В данном случае наличие «короля-дракона» не стало усиливающим фактором, поскольку площадками для протеста послужила вся городская сеть, агрегировавшая протестный потенциал маргинализирующегося населения.

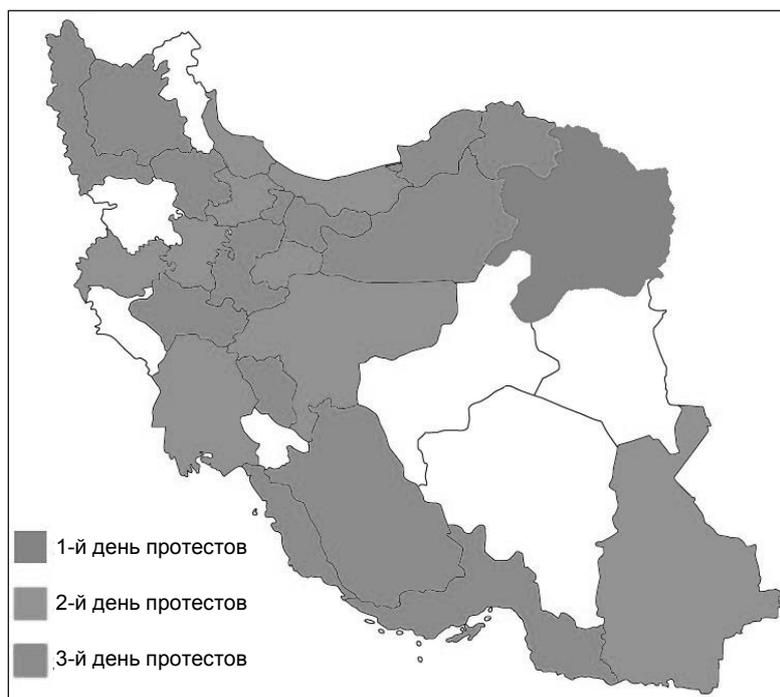

Рис. 5. Карта иранских провинций, затронутых протестами

Библиография

- Иванов Е. А., Исаев Л. М. 2018.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах Центральной Азии. *Полис. Политические исследования* (в печати).
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васкин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2016.** Арабская весна как квазисуперкритическое явление? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 127–156.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной неста-

- бильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.
- Статистический центр Ирана. 2017.** URL: <https://www.amar.org.ir/english/>.
- Цирель С. В. 2012а.** Революции, волны революций и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ. С. 128–161.
- Цирель С. В. 2012б.** Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ. С. 162–173.
- Auvinen J. 1997.** Political Conflict in Less Developed Countries 1981–89. *Journal of Peace Research* 34(2): 177–195.
- Bayat A. 2002.** Activism and Social Development in the Middle East. *International Journal of Middle East Studies* 34(1): 1–28.
- Dizaji S. F., van Bergeijk P. A. G. 2013.** Potential Early Phase Success and Ultimate Failure of Economic Sanctions: A VAR Approach with an Application to Iran. *Journal of Peace Research* 50(6): 721–736.
- Moret E. S. 2015.** Humanitarian Impacts of Economic Sanctions on Iran and Syria. *European Security* 24(1): 120–140.
- Salitskii A. I., Zhao X., Yurtaev V. I. 2017.** Sanctions and Import Substitution as Exemplified by the Experience of Iran and China. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 87(2): 205–212.
- Weiner M. 1967.** Urbanization and Political Protest. Urbanisation et Agitation Politique. *Civilisations* 17(1/2): 44–52. URL: www.jstor.org/stable/41231016.